

Враги мира

Во всех уголках земного шара из рук в руки передаются сейчас бюллетени с простыми и справедливыми словами Стокгольмского Воззвания. Миллионы людей доброй воли, стремящихся к миру, от всего сердца ставят под Воззванием подписи, выполняя свой святой долг перед человечеством. Число подписей растет изо дня в день.

Но порой случается, что бюллетень попадает в холодные руки человека с нечистой совестью и злой волей. Он отводит беглые глаза от разлук строк, откладывает перо и начинает юлить, пытаясь скрыть за словесной завесой свое злое кутро.

Никто не может сейчас уйти от прямого ответа на ясный вопрос, поставленный перед каждым человеком самой жизнью. Нейтралитет здесь невозможен. Отказаться никому не удастся. Никакие увертки и отговорки не могут быть приняты во внимание.

Как известно, финляндское правительство подписало Стокгольмское Воззвание. Но до сих пор не ясна позиция президента Паасикиви. Газета «Вапаа сана» напечатала недавно открытое письмо одного из своих читателей, адресованное президенту. Автор письма требует, чтобы Паасикиви публично высказал свое отношение к Воззванию.

Президент пока молчит. Но ему придется ответить. Этого ждет народ Финляндии, испытавший немало страданий из-за авантюристической политики некоторых своих руководителей.

Такого четкого ответа борцы за мир требуют от каждого, кто не желает поставить своей подписи под Стокгольмским Воззванием.

Кампания по сбору подписей, объединяющая и сплачивающая бесчисленные массы сторонников мира, однозначно способствует разоблачению человеконенавистников.

Такие враги становятся явными. Припрятанные в тени, они вынуждены снять маску и показать свое подлинное лицо.

Непрерывный рост и укрепление лагеря мира, позорный провал американской агрессии в Корее ускорила этот процесс срывания масок. Охваченные бешеной злобой, в припадке раздражения и страха атомщики выдают себя с головой. Они предстают перед народами во всей своей отвратительной наготе. Стерты с лица дипломатические улыбки. Оскалены волчьи клыки. Нанесенные лицемерные фразы сменяются звериным воем. Из накрахмаленных манжет вылезли окровавленные лапы убийц.

Враги мира не только обдирают варварскую бомбардировку мирных городов и селений Кореи, они во всеуслышание настаивают на применении атомной бомбы против свободолюбивого корейского народа.

Если еще недавно такие людоедские призывы можно было слышать главным образом из уст американских генералов и конгрессменов, то сейчас без стеснения вторят английские парламентарии и деловые люди, болгарские провокаторы и русские промышленники, недобитые асы войны и торговые спекулянты.

Сбросил маску лейббриг Вурдо Уайт, прежде лицемерно рекламировавший свои дружеские чувства к Советскому Союзу. Этот джентльмен, поддерживавший в английском парламенте министра обороны Шинзула, наставившего на дополнительные ассигновки для армии, заявил буквально следующее:

«Раз и навсегда мы должны покончить с атомной бомбой и запретить применение атомной бомбы... Будет лучше, если русские станут считать, что мы согласны скорее видеть Лондон и Бирмингем уничтоженными, чем допустить распространение коммунизма во всем мире».

Таков на деле этот заклятый враг мира, враг своего народа, для которого нет ничего святого и ничего дорогого даже на отчей земле.

К нему присоединяются человеконенавистники из реакционной итальянской газеты «Темпо», призывающей в передовой статье американских руководителей, «как только начнется война против России, немедленно использовать американский атомный потенциал».

Все эти кровожадные вопли еще больше

накаляют политическую атмосферу, усиливают военную истерию. Поднимают голову фашисты, дорога для которых расчищается террором и репрессиями против сторонников мира. Неслучайно Жюль Мок специально во Франции охраняет отряды типа «СС» для борьбы с «саботажниками» (так осмеиваются «социалистический» министр называет борцов за мир). Сейчас уже каждый может разглядеть в этом «социалисте» палача, сейчас легко убедиться, что перед нами французский Гиммлер.

К злобному войню Нью-Йоркских банкиров и битых содафонов из штаба Макартура, к истерическим выкрикам европейских атомщиков присоединяют свои жалкие голоса презренные ренегаты, носившие когда-то звание писателей.

Воспроем, обращенный в свое время великим Горьким к западным деятелям культуры, звучит сейчас с новой силой:

— С кем вы, мастера культуры? Мы знаем, с кем идут подпольные мастера мировой культуры, люди, творившие для народа, живущие его чаяниями и надеждами.

Но мы знаем также, с кем идет Франсуа Мориак, стоящий ныне за применение атомной бомбы и подло призывающий к расправе с вождями коммунистической партии Франции.

В одном ряду с ним — коллаборационист Жюль Ромэн, ренегат Андре Мальро, багды пера из буржуазных газет, обливающие грязью сторонников мира.

Примыкает к ним и Пристли, выступавший ныне в неприглядной роли откровенного пособника поджигателей войны. Примкнула к ним и группа норвежских писателей и профессоров, опубликовавших в ответ на обращение Илви Эненбурга открытое письмо. Господа Петер Бендзон, Андре Бьерке, Зигфрид Бо и др. сообщают о своем отказе подписаться под Стокгольмским Воззванием. Словесная казустика вперемежку с надоевшей клеветнической болтовней о «железном занавесе» составляет содержание этого письма, которое может вызвать лишь презрительную улыбку.

Господа, взявшие на себя смелость говорить от имени норвежской литературы и науки, поспешили присоединиться к империалистическому лагерю. Что ж, тут и я и дорога! Но о том, какова ценность их выступления, можно судить по тому, что это письмо не подписали виднейшие современные писатели Норвегии — Аксель Сяемусе, Эйвинд Болстад, Мокан Борген и многие другие выдающиеся норвежские мастера культуры.

Народы мира ненавидят поджигателей войны. Большие и малые, за океаном и в Европе, они равно отвратительны — враги мира, враги свободы, враги самой жизни — от вашигтонского фюрера до пьяного ку-клукс-клановца, от старого палача Чеччиола до лейбористского каннибала, от Жюль Мок до наемного пса из «Фигаро».

Вот они, маньяки, стремящиеся затопить огнем всю планету и уже успешно занятые себя кровью корейских детей. Вот они, изощренные душегубы, перед кошмарными планами которых бледнеют ужасы Майланде и Геринга.

Но чем истиннее вопят они, пытаясь запугать человечество, тем больше разоблачают себя перед всеми народами.

Фронт мира растет и крепнет с каждым часом, с каждым днем. В ответ на раззадоренную клевету и истерические угрозы поджигателей войны борцы за мир множат и сплачивают свои ряды.

«Руки прочь от Кореи!» — этот несомкнутый клич звучит на всех широтах, как грозное предупреждение военным преступникам. Голос великого миролюбивого могучего советского народа слышен во всех концах земли. Этот голос возмущает борцов за мир всюду, где бы они ни находились.

Простые люди все яснее сознают, какая страшная угроза нависла над человечеством, все больше проникаются решимостью отвести руку убийцы, занесенную над миром.

Более 250 миллионов человек поставили уже свои подписи под справедливым требованием о запрещении атомного оружия. Эта цифра растет и будет расти. Массовая база движения сторонников мира расширяется и будет расширяться. Пусть помнят об этом тайные и явные враги мира. Маски будут сорваны со всех, кто выступает против мира. Пусть знают они, что слова Стокгольмского Воззвания, квалифицирующие атомщиков, как военных преступников, — не пустые слова. Миллионы борцов за правое дело сумеют до конца разоблачить, обухать горстку взбесившихся поджигателей.

Врагов мира ждет сурь народом.

Резав МАРГАНИ

Где б я ни жил, куда б ни ехал я — Свет глаз ее меня хранит везде. Годами мать, Седая мать моя Всегда со мной — и в счастье, и в беде.

И я гляжу в чистейшие глаза Друлибной матери моей. Добра она. Чиста.

Есть жалеть нельзя. Кривить нельзя душою перед ней.

У матери в глазах неправды нет. Дня радости И утраты войны, И боль потерь, И правды побед — У матери в глазах отражены.

В них правый гнев, И в них расплывы дни — Вон за счастье мирного труда... Вздонные глаза — мудры они! В их глубину кочу смотреть всегда.

Перевел с грузинского Николай МИЛОВАНОВ

Музей отечественной научной книги

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.) В здании Библиотеки Академии наук СССР открывается первый в нашей стране музей истории отечественной научной книги. Музей получает старинные русские летописи, рукописные «правники», в которых давались первые медицинские советы, редчайшие издания докладов русских академиков, труд петровского времени «О способах, творших восхождение рек», «Соборное», и многие другие уникальные издания.

Экспозиция научной книги XIX века покажет первые издания трудов Н. Лобачевского, Д. Менделеева, И. Сеченова, К. Тимирязева, сочинения В. Беллинского, А. Гер-

ГЛАЗА МАТЕРИ

Не верит мать, что жизни смерть сильней, Не верит, что оный придет война, И правдой материнскою своей Она, простая женщина, сильна!

Нам судьбы поколений вручим. Жизнь нашу утверждаем мы трудом! Ни я, ни мать — Мы не хотим войны, Богат наш урожай, и светел дом.

Но гневные у матери глаза, В них — ненависть отблеск, не слеза. Кто сбрасывает бомбы на детей, — Да будет проклят матерью своей!

Мать говорит От имени детей: «Мир победит! Нам не нужна война!» И правдой материнскою своей Она, простая женщина, сильна!

Перевел с грузинского Николай МИЛОВАНОВ

цена. Н. Чернышевского. Тут же будут выставлены издававшиеся в России произведения классиков марксизма-ленинизма и подпольно печатавшиеся работы В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Особенно широко будут показаны книги советской эпохи: работы ученых, удостоенные Сталинской премии, лучшие издания трудов классиков марксизма-ленинизма, собрания сочинений А. Карпинского, И. Павлова, И. Мичурина и многих других выдающихся советских ученых.

Музей книги наглядно покажет приоритет отечественной науки и техники в различных отраслях знания.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 63 (2654)

Вторник, 1 августа 1950 г.

Цена 40 коп.

ЖАТВА

1.

Уборка хлебов в Баштанском районе подходит к концу, но колхоз имени Карла Маркса отстал: три дня над его полями шли дожди и комбайны не могли работать.

Наконец погода установилась. Сергей Тимофеевич Юстко, директор МТС, перебрался из соседнего колхоза еще один комбайн, и теперь пять машин днем и ночью выдвигаются по пшеничному полю, загребая мотылами колосья.

Бестарки подвозят от комбайнов к току зерно, и дежачка просеивают его, вращая тяжелые ручки сортировок. Длинные горы чистой пшеницы тянутся вдоль тока, и с теневой стороны в них воткнуты бутылки с молоком. Возле сосредоточенного приемника, у которого в любое время можно получить последние известия о количестве обмолоченного зерна, собралась нетерпеливая начальство: бригадир, председатель колхоза Федор Филиппович, директор МТС Сергей Тимофеевич. Директор МТС торопит бестарки, а председатель колхоза беспокойно смотрит на темную тучку, появившуюся над Баштанкой.

К току подъезжает «Победа». Запыленный с ног до головы секретарь райкома Михаил Степанович Кобылкин прыгает через канаву.

— Ты почему небритый? — спрашивает он Сергея Тимофеевича.

— А ты почему небритый? — спрашивает в свою очередь директор МТС.

Оба они коротко смеются. Особою глупости на тучку, смеется из вежливости и председатель колхоза.

— Сколько осталось убирать? — интересуется секретарь райкома.

— Сколько осталось? — тянет нетерпеливый председатель, имеющий привычку переспрашивать, — гектаров четыре осталось.

— Когда закончите уборку? — спрашивает директор МТС.

— Когда закончим? — спрашивает впрямую секретарь райкома.

— Когда закончишь, Сергей Тимофеевич? Директор МТС вздыхает и вопросительно смотрит на председателя.

— Отстал колхоз, — говорит он, — чистареста гектаров осталось. Для через четыре кончим, не раньше.

— Да ты что! Хочешь дождаться, когда зерно осыпается само? Чужей, совышник на спине лежит. Надо перебарывать еще один комбайн.

— А где его взять, Михаил Степанович? — спрашивает директор МТС.

— Сегодня передала, что там еще семидесять гектаров осталось. Хвост выдернешь, нос увязнет.

— Ты проверь, осталось ли у них семидесять. Там председатель с хитрой. Может быть, и зарылся, чтобы не зарыли у него один комбайн до конца уборки. Проверь. А как в «Коминтерне»?

Михаил Степанович не успокаивается до тех пор, пока не узнает, в какие сроки заканчивают уборку все 47 комбайнов Баштанской МТС, пока не убедится, что до завтра нельзя перебарывать ни одной машины.

Девушка, которой выпала очередь отдохнуть, садится на мягкую кучу пшеницы, запускает усталые руки в прохладное зерно, перебирает его с ладони на ладонь.

— Хорошо зарабатываете? — спрашивает Михаил Степанович.

Девушка оборачивается. Лицо ее плотно закутано от пыли, и только веселые черные глаза бегают из-под нависшей кашпоном косынки.

— А мы не знаем, сколько, — отвечает она. — Что комбайн намолотит, то и просеивает. Комбайны хорошо работают, тут и мы много заработаем.

Мимо прохитит самоходный красавец С-4. За штурвалом сидит молодой парень.

— Вот если бы все, как Коля Дирло, работало!

— А что, хороший парень Дирло? — спрашивает Сергей Тимофеевич, поинтересовавшись секретаря райкома. — Красивый?

— Комбайн у него красивый, — отвечает девушка, следя за уходящей вдали машиной.

Сергей Тимофеевич трогает меня за локоть.

— Видишь? Видишь, как колхозники наши полюбили машину. И заработок свой, благополучие свое определяют по тому, как машины работают. Не на погоду теперь надеются, не на господа бога, а на машину. Слышал: «Хорошо будет комбайн работать — много заработаем». Великое дело произошло у нас на степи. Пропроизли индустриализация сельского хозяйства. И нам теперь, при нынешнем уровне агротехники, мало быть только механизаторами. Нам всем приходится быть вот хоть на столько агрономами. — и Сергей Тимофеевич отмерил на своем толстом указательном пальце довольно большой кусок.

— Этому надо долго учиться, — заметил я.

— Не так долго, как кажется. Вон Коля Дирло двадцать лет. Логон его и поглядь, как парень работает.

2.

Я стою на самоходном комбайне позади Николая Дирло и смотрю вниз. По густому полю пшеницы пробегает косая волна. Впереди маячит одинокий посолонх, выростивший от случайного зернышка. Поле тянется далеко-далеко, почти до горизонтов. Сколько надо сил и времени, чтобы собрать со всего этого поля зерно, выложить колосьями соломы, отсечь полову!

Сергей АНТОНОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Комбайн идет со скоростью пешехода. Длинные лопастей мотыла прижимают колосья к ножам хедера. Ножи работают, как машинка для стрижки волос. Срезанные колосья падают на транспортерную ленту, в мотыльном барабане. Связь застекленного окошечко видно, как густой, пульсирующий струей туман, как густой, пульсирующий туман. Сзади к комбайну подлетел вместительный металлический короб — копилка. Он быстро наполняется соломой. Внезапно в бункере среди зерен пшеницы видно несколько сырых подоскочных зерен. Я быстро оглядываюсь. Одинокого подосколку уже нет. И его недозревшие зерна обмолотил комбайн. «Беда небольшая, — смеется Николай, — девчата на сортировке отсеют». Он действительно красив, этот двадцатилетний комсомолец со смуглым лицом, и даже темное пятнышко автала, засохшее на щеке, подчеркивает здоровую молодую красоту его лица. Впрочем, Николай все время говорит со мной, не оборачиваясь, и я вижу только его кепку с матерчатой пуговницей.

— Для того чтобы не было аварий и остановок, — говорит Николай, — надо понять одно: надо понять, где самый слабый узел в машине. И дальше надо так: или вести работу, не перегружая этого узла, или, если можно, усилить слабый узел. Я в прошлом году ремонтировал самоходные комбайны и понял: самый слабый узел здесь — коренной привод, идущий от двигателя. Чуть пережмешь — привод выходит из строя. Как его там на заводе расхитывали — не знаю. Ну вот я и решил ослабить нагрузку на привод, — переделал копилитель. Заводской копилитель весит 1300 килограммов, и как приносишь его — привод выходит из строя. Посоветовался я с нашим механиком по комбайнам, Семенов Григорьевичем, и переделал два копилителя. Узнали в областном управлении сельского хозяйства, стали ругаться. А что ругаться? Вон в Янгинской МТС все это делают завоиских копилителей на дворе стоят, а к комбайнам припряжены самодельные, деревянные, на телесных косяках. Смотрят тошно: такой сильный агрегат с японским двигателем, а к нему деревянные арба прицеплена. Надо бы инженером, которые машины проектируют, почаще к нам заезжать...

Николай останавливает комбайн. Бункер доверху наполнен зерном. Два вода с огромными рогами тянут под загрузку бестарку. Над высокими бортами ее торчит голова конюшного возника. Мальчуган расправляет брезентовый рукав, свешивающийся с комбайна, Николай открывает заставку, и толстая струя зерна, чуть не сбив с ног мальчишка, сыпется в бестарку. Молодецкий возник поднимается все выше и выше. Вот показались его курточка, короткая брюки, вот он уже весь, босиком, стоит на трубе зерна в наполненной до краев бестарке. Воды трогаются. Комбайн снова идет вперед.

— Уменьшил я копилитель, — продолжает Николай. — Стал он у меня весить 700 килограммов. Приехал с этим копилителем в колхоз Кирово. Сами понимают, не терпится испытать, как с новым копилителем получится. А председатель колхоза не позволяет косить. Докладываю по радио директору, что пшеница достигла восковой спелости, косить можно, а председатель не дает. Сергей Тимофеевич обещал прислать агронома, разобраться. А что мне агроном? Я и сам понимаю, что председатель не дает косить потому, что ему неохота зерно сунуть. Ему охота, чтобы зерно в колосе вышло и чтобы его после комбайна прямо в амбар везти. Если бы тогда этот председатель понимал, что значит каждая минута простоя комбайна, так сегодня на полях было бы все чисто.

А разве он понимал? — возмущено добавляет Николай, и кажется, что даже матерчатая пуговка на его кепке пылает возмущением. — Пришлось стоять из-за этого два дня. Агроном где-то задержался. На третий день махнул я рукой и начал косить без всякого приказа. Шуму было — на всю степь. А Михаил Степанович приехал и сказал, что поступил я правильно...

Николай перегибается через штурвал и смотрит на хедер.

— Нам, комбайнерам, по каждому вопросу к агрономам ходить некогда. Самим агрономами быть надо. Надо понимать, как менять высоту хедера в зависимости от влажности зерна. Утром, на росе, одна высота, днем — другая, после дождя — опять другая. Чувствовать колос надо. И чем его лучше чувствуешь, тем меньше потерь и больше производительность.

Он смотрит на поле пшеницы и с бескойской гордостью говорит:

— А ведь еще комбайн надо добавит. Вот-вот зерно начнет осыпаться...

3.

Сергей Тимофеевич сидит в эмитесовском вагончике возле рапины «Урожай» и кричит в трубку:

— Это бригадир! Посмотри, нет ли там поблизости председателя.

В репродукторе слышно, как где-то далеко, за десять километров, отодвинули стул, затопали сапогами. Потрескавшая рапины. На маленьком аппарате, возле надрасной «примы» и «спердатура», горят два красных глаза. Пока идут председатель, Сергей Тимофеевич кланяется носом, дремлет. Этому невскому, немного ступидному пятидесятилетнему человеку, сидящему в

майке возле рапины, человеку, который на «ты» со всем белым светом, некогда спав в последние дни уборки. Нужно маневрировать машинами, мобилизовать резервы, быстро ликвидировать провалы. Уборка хлебов похожа на бой, и директор МТС — один из командиров этого боя. День и ночь он в степи. Жена называет его «квартирантом»: придет домой, поспит часа три и снова, как здесь говорит, едет «на степь».

— Дозорцев на приеме, — слышится в репродукторе.

Сергей Тимофеевич начинает кричать, еще не открыв глаз:

— Ты что же это, друг! Завышаешь! Каких у тебя восемьдесят гектаров косить осталось?

— Ошибся вчера маленько, — смущенно говорит репродуктор, — гектаров тридцать осталось...

— То-то, что тридцать. Оставляю у тебя один комбайн, а самоходку направляю в колхоз Карла Маркса. Все. Дай мне бригадир.

Я заинтересовался, откуда Сергей Тимофеевич так быстро узнал, что прекрелась колхоза несколько преувеличила площадь уборки.

— А нигде же не узнавал, — отвечает Сергей Тимофеевич. — Раз Михаил Степанович сказал, значит, так оно и есть... Теперь надо думать, откуда бункера доставлять. Хорошо бы, если бы самоходные комбайны у нас выпускали прямо с бункерами для лущения стерни, в одном агрегате. Чтобы у нас хоть об этом голова не болела. Лущевка стерни — великое дело, особенно в наших засушливых местах. Пока рожь растет или пшеница, вода в почве сохраняется, а как скосишь, оголишь землю — вода начинает сильно испаряться. Поэтому надо лущить стерню сразу после прохода комбайна, именно сразу, чтобы сберець воду в почве. Вода нам очень дорога. Недалеко тут совхоз есть, так он называется «Добра криница», что значит по-русски «хороший колодезь». Видишь, в каком почве у нас вода. А для сохранения воды в почве лущевка — первое дело.

— Вот есть очень понятный учебник, — продолжает Сергей Тимофеевич, достав с нар книжку Вильямса «Основы земледелия». — Слушай, что здесь про лущевку написано, — и он начинает читать с мягким украинским акцентом:

«Есть еще работники, которые только формально, «для отчета», выполняют ясные указания партии и правительства. Чем иным, как не сознательным вредительством, нужно объяснить «работу» тех мерзавцев (я не могу подыскать более сильного выражения), которые через 20 дней после уборки пускают по стерне комплект бункеров, соединенных трактором, для «лущения» стерни, и одновременно след за трактором с бункерами следует трактор с плугами для заблевой вспашки, и в отчете записывается «план лущевки стерни выполнен на 100 процентов»... Очень понятный учебник, — задумчиво повторяет Сергей Тимофеевич. — Я думаю, все учебники надо бы так писать... И Лысенко хорошо пишет, и Мичурин... Работа колхоза и работа МТС — единый агротехнический комплекс, единый сложный технологический процесс, и переделаны они вот так, — Сергей Тимофеевич крепко сплетает свои толстые пальцы. — Чем крепче колхозное хозяйство, тем легче работать МТС. Ликвидация зевеньев и укрупнение колхозов сильно помогли нам в этом.

В репродукторе раздается голос бригадир тракторной бригады, расположенной в колхозе имени Кирово. Он докладывает, что самоходный комбайн отправлен. Сергей Тимофеевич выключает радио, и мы с ним выходим из вагончика.

— А ну, присядь на коротычки и глянь валь, — говорит он. — Видишь, воздух дрожит? Это вода уходит из земли в небо... Надо добавлять бункера...

4.

Раннее утро. Полсолонухи в желтых чепчиках, проводившие вчера вечерние зори в всю ночь сморщенные на запад, поворачиваются лицом в обратную сторону, к белому утреннему солнцу.

По грунтовой дороге, росистой и беспыльной, мчится полторка. Я поднимаю руку. Забираюсь в кузов. Сероголазый трактористка Тая Трибрат едет провозить лущевку.

— Вчера пахла, — говорит она, — умаялась, прямо бега как. Представляете себе, приходится два пятикорпусных плуга тянуть. Когда два пятикорпусных плуга тянешь, очень трудно добиться однородного заглубления. Это ведь не просто: снять бесплужничком верхние 10 сантиметров предплужничной почвы, скнуть их вниз, а снизу полить 12 сантиметров комбоватой культурной земли. Гораздо спокойнее на культиваторах работать. Тут только вроде ботаника, все сорняки знать надо, на какой глубине у них корешки. Молодой там, березка. Знаете, такие красивые белые цветочки по земле стелются, это и есть березка. Глядишь, какой сорняк, и регулируешь, — где на пять сантиметров, где на восемь...

Солнце поднимается выше. Полторка мчится вдоль деревни, и куры неохотно уступают дорогу. Они привыкли к машинам.

А за деревней — снова разноцветная степь, огромное синее небо и безукоризненно прямая, словно на море, линия горизонта.

Мы едем, и оставши светложелтой шелковой пшеницы, изумрудные бесконечные ковры чумизы, ровные ряжи хлопка, темные кусты репны, молодые лубки лесозащитных полос провозжат нас.

Николаевская область

Международные

ОТКЛИКИ

ПО СТОПАМ ГЕРИНГА

Прежде чем отправиться в поход на завоевание мирового господства, фашистские главарь, как известно, объявили общегерманский великий пост. Людовский дозуг Геринга «лушки вместо масла» стал основой гитлеровской внутренней политики.

Ныне, позорно провалившись с планом ближнего круга в Корее, американские поджигатели войны вспомнили геринговский дозуг. Провозгласил его небезызвестный Бернхард Барух. Это — крупный биржевик и бывший американский делегат в Комиссии ООН по контролю над атомной энергией, автор так называемого «плана Баруха», рассчитанного на подчинение экономики всего мира его друзьям с Уолл-стрит, личный советник Трумэна.

Так вот, этот самый Бернхард Барух на днях потребовал проведения «полной мобилизации американской экономики». Вытащив из фашистского архива и шерохов на свой лад формулу Геринга, Барух рекомендовал американскому народу отказаться от масла. «Америка стоит перед выбором: мир или масло, — сказал Барух. — Речь идет о выборе между миром и маслом, между мобилизацией наших сил в настоящее время и стремлением удовлетворить медленные нужды и гоняться за мелкими выгодами...»

Однако тотальная мобилизация гитлеровских лозунгов вряд ли поможет г. Баруху. Недостаточно производить пушки, — нужно еще найти того, кто согласится стрелять из этих пушек в угоду американским монополистам. Один из читателей газеты «Пилс уорлд» Э. Таксон из штата Аризона в письме в редакцию заявил: «Пусть лучше они (барухи и прочие. — Лиг.) прекратят свою безумную гонку вооружений. Все равно они не найдут дураков, которые сядут в их самолеты и будут сбрасывать их бомбы». Нью-Йоркская молодежь сейчас отказывается даже являться на медленные освидетельствования, предшествующие призыву на военную службу.

Правда, американские поджигатели надеются собрать под звездно-полосатый флаг ланцкнехтов из маршалловых островов. Но, как показывают факты, действительность не всегда согласуется с мечтами. Известно, что американские спутники поостереглись послать войска в Корею. Теперь Барух мечтает о японском пушечном мясе: «Нельзя было бы вооружить японцев», — одобрил он призыв одного сенатора-республиканца, заявившего, что, по его мнению, Америка должна вооружить один миллион японских солдат для отправки на фронт в Корею. «Я думаю», — продолжал Барух, — что мы можем доверить японцам в том смысле, что должны принимать помощь любого государства, необходимую для нашего спасения».

Но престарелый атомщик опять простылся. Ибо, если он думает, что Америка «может доверять» японцам, то далеко не все японцы доверяют американцам. Вряд ли пятлетнее правление генерала Макартура могло лопнуть в японском народе пламенную любовь к Бернхарду Баруху и его друзьям.

БАРИН И ЛАКЕР

Пословица говорит: «Будь барин, туда и дворян».

Омар Брэдли — барабанщик войны

С. КОЗЛОВ

Каждое утро в различные апартаменты мистера Трумена в Белом доме быстро и отнюдь не веселой походкой проходит человек в генеральской форме американской армии. Это — Омар Нельсон Брэдли, которого газета «Нью-Йорк геральд трибун» несколько дней назад без оснований назвала «неофициальным начальником штаба президента». В Белом доме генерал Брэдли ежедневно встречается с Труменом наедине и дает ему подробный отчет «как о конкретной фактической ситуации в Корее, так и об общей стратегической обстановке».

Газета указывает, что «совещания кабинета министров в настоящее время в значительной мере посвящены военным отчетам Брэдли и обсуждениям экономических последствий перевооружения». Все решения Белого дома по вопросам, связанным с агрессией в Корее, предварительно разрабатываются Брэдли.

Что же представляет собой этот факельщик агрессии, танбур-мажор в «оркестре» американской военщины и кандидат в военные преступники, столь нетерпеливо рвущийся на скамью подсудимых?

В стране долларовой «демократии» «добропорочные семьи» отличаются особым пристрастием к звучным историческим именам, которыми они охотно награждают своих отпрысков. Предустрительные родители делают это не без тайной надежды, что их потомок (чем чужд не шутит!) превзойдет в жизненных успехах даже своего тезку — обладателя прославленного имени.

В свете этой весьма деловой традиции нетрудно определить, что именно руководило мистером и миссис Брэдли, когда они в 1893 году занялись подысканием имени своему наследнику. Здесь сказано отнюдь не пристрастие к поэту Омару Хайяму, а явное преклонение перед карьерой второго халифа Ислама, Омар-Ибн-Эль-Хаттаб, прославившегося в VII веке своими обширными завоеваниями в Азии. Несомненно, Омар Нельсон Брэдли, по тайной мысли своих родителей, должен был сочетать в себе качества арабского завоевателя с достоинствами победителя при Трафальгаре.

Увы, генерал Брэдли обманул надежды своих почтенных предков!

Окончив в 1915 году нормальное военное училище в Вест-Пойнт, претенциозно именуемое «военной академией США», этот долговязый юноша с оттопыренными ушами был выпущен лейтенантом в пехоту, отличившись не на поприще науки, а лишь игрой в голф...

Военная карьера Брэдли до второй мировой войны не блещет событиями. Этот рядовой пехотный офицер в первой мировой войне участия не принимал; в эти годы он занимался более безопасным делом: подготовкой новобранцев и свирепым подавлением стихотворного движения трудящихся. Один из биографов Брэдли, стараясь всячески приуменьшить его облик, вынужден был все же ограничиться такой характеристикой: «Хорош во всем — чемпионом в стрельбе из дробовика, отличился в гольфе и бридже, страстный охотник и рыболов... Он не говорит ни на одном иностранном языке, и жаргон Среднего Запада и сейчас преобладает в его лексиконе» («Surgent Biography», New York, 1943).

Как видно из этой характеристики, данной уже в 1943 году, восторженный биограф не нашел ни единого повода для восхваления военных талантов Брэдли по той простой причине, что за двадцать восемь лет военной службы сам Брэдли такových не проявил.

Зато в период своего пребывания на Гавайях, этом тихоокеанском форпосте американской агрессии, Брэдли, офицер местного гарнизона, не раз расправлялся с туземным населением, прибором качества «колоннального надсмотрщика», столь пригодившиеся ему ныне в отношениях с маршаллизованными рекрутами США в Европе.

В 1929 году «образованный» инструктор пехотной школы в форте Беннинг (штат Джорджия) обратил на себя благосклонное внимание полковника Маршалла, уже тогда принадлежавшего к наиболее консервативным и реакционным кругам американской военщины. Выбравшись «в люди», Маршалл через 10 лет вспомнил о «слугободом» офицере, и с 1938 года Брэдли стал чиновником военного министерства.

Благодаря к Маршаллу можно, вероятно, объяснить и то, что Брэдли оказался во время войны во главе американских экспедиционных войск в Западной Европе. Совершенно ясно, что военные способности будущего «оманушного» не принимались серьезно в расчет. Нужен был «сверный человек» в том крупном бизнесе, на который рассчитывали боссы Уолл-стрит, готовя «скрестовый поход в Европу».

И выбор их пал на Брэдли.

Итак, Брэдли — классический образец американского военного служаки: их тысячи, и среди них претендуют на выдающиеся могут, конечно, лишь наиболее реакционные и нетерпимо относящиеся к «социально опасным» элементам. «Он не курит, пьет и ругается только умеренно, — восторгается один из его ластивых биографов. — Он и сейчас не пропускает ни одной серьезной игры в бейсбол... Он — верный сын христианской церкви в масон... Его любимая книга «Айвенго», и он читает ее по крайней мере раз в год» («Current Biography», New York, 1943).

Итак, спортсмен и картежник, масон и ханжа, умеренный пьяница и скромный ругатель, поклонник «Айвенго» и свирельный надсмотрщик с напыками полицейского... До чего же неказист духовный портрет этого фашиствующего генерала, которого недаром именуют «звездом без шляпки».

* Бред — гвалдь без шляпки. Так называли Брэдли его сослуживцы («Famous american generals» New York, 1946).

Во время второй мировой войны Брэдли участвовал и в семимесячной кампании в Тунисе, где не проявил себя ничем, и в сицилийской кампании, о которой даже его штатные «поставщики лавров» хмуро и лаконично повествуют: «Принимал участие в сицилийской кампании».

Но вот Брэдли командует 1-й американской армией, участвующей в операции по высадке во Франции, которая была высокопарно названа Черчиллем планом «Оверлорд». Войска выполняют оперативнотактические планы, «творцом» которых был опять-таки Брэдли. И вот к чему это привело.

Почти в течение месяца (с 6 по 30 июля) англо-американские войска, высадившись на побережье Нормандии, вели бой по расширению захваченных плацдармов. Темпы продвижения этих обильно насыщенных техникой войск составляли от 500 до 1500 метров в сутки, значительно отставая от намеченных планов. Следует сказать, впрочем, что и запланированные темпы были не очень-то уж быстрыми. И это в условиях полного превосходства в силах и средствах над противником! Ведь известно, что гитлеровские войска, предназначенные для обороны мифического «атлантического вала», были немногочисленны и отличались низкой боеспособностью, так как самые отборные немецкие соединения находились на советско-германском фронте. 20 июля адъютант Эйзенхауэра капитан Бутчер записал в своем дневнике: «Вчера Аик (Эйзенхауэр.— С.Н.) заметил, что, сбросив на линию врага 7.000 тонн бомб, мы продвинулись на 7 миль. Можем ли мы позволить себе тратить по тысяче тонн на каждую милю?» («My Three years with Eisenhower. The personal diary of Capt. Harry C. Butcher», New York, 1946). Речь шла как раз об «успехах» Брэдли.

Непривозвращенные и сокрушительные победы, одержанные в то время Советской Армией, вызвали чрезвычайную озабоченность у военно-политического руководства англо-американцев.

В своем упорном стремлении упрекнуть Советскую Армию в ее победном продвижении в глубь Европы и помешать ее освободительной миссии англо-американцы предприняли новую попытку прорыва обороны немцев. Но план, предложенный Брэдли, как и прежде, его замыслил, страдал оперативной немощью — зловещим стремлением быть одинаково сильным везде.

Для наращивания боевых усилий была организована 12-я армейская группа, которую и возглавлял Брэдли. Шифром группы было слово «орел», но орел этот скорее походил на петуха, чтобы не сказать — на мокрую курицу.

Наступление, начатое 25 июля 1944 года, весьма показательно с точки зрения неумения Брэдли решать элементарные задачи организации боевых действий и взаимодействия войск.

Почти весь бомбовый удар многочисленной авиации, предназначенный для подготовки атаки, пришелся на свои войска. Американской бомбой был убит командующий сухопутными войсками США генерал-лейтенант Макнейр, хотя он и находился на своем наблюдательном пункте, расположенном на довольно большом отдалении от позиций противника.

На рук вошло плохо организованная разведка не сумела вскрыть перегруппировку сил немцев, и 7 августа они совершенно внезапно сами перешли в контрнаступление, чем окончательно сгинули все расчеты англо-американцев.

Бесконечная гонимая западных союзников между собой при неумении организовать наступление привела к тому, что в самый решающий момент операции общие усилия согласовать не удалось, и противник избежал поражения, отводя свои войска за Сену. Немцы сопротивлялись слабо, но разгромить их Брэдли так и не сумел.

Что касается взятия Парижа, то столица Франции, как подчеркивает, скажем, Ингерсолл, весьма сочувственно относившийся к Брэдли, была взята «без малейших усилий», так как население восстало и освободилось прежде, чем американцы успели достичь хотя бы исходных позиций для штурма.

Таким образом, «блестательные» планы Брэдли по «освобождению» Франции осуществлялись лишь постольку, поскольку противник не сопротивлялся, а французские патриоты сами громили нацистов.

Но особенно позорно проявил себя Брэдли во время контрудара немцев, предпринятого в Арденнах.

Центральная группа армий Брэдли оказалась расколотой, управление войсками было потеряно, а штаб 8-го корпуса был вынужден бежать, и никто точно не знал, где он находился в это время. — писал полковник Брентон Д. Уоллес в книге «Паттон и его третья армия» (Col. Brenton D. Waller, «Patton and his 3rd army», Washington, 1946). Это относилось и ко всем другим штабам, — разница была только в расстоянии, на которое они «переместились», и в сроках их обнаружения.

Ситуация, как известно, создалась столь серьезная, а воли Брэдли о помощи были настолько отчаянными, что Черчилль счел необходимым со скрежетом зубным обратиться к Верховному Главнокомандующему Советской Армии со слезной просьбой о немедленной вырубке.

Общее положение на Западе изменилось в пользу англо-американцев лишь в результате предпринятого Советской Армией наступления на широком фронте от Балтики до Карпат.

В дальнейшем англо-американцы и, в частности, Брэдли из кожи лезли вон, чтобы прорваться к Берлину и овладеть им до того, как это сделают советские войска. Однако американцы в своем «стремительном» марше к Берлину были похожи на воинственную черепаху с тихоокеанского побережья. Брони было много, а скорость ничтожна. Следует, впрочем, заметить, что продвижению американцев гитлеровцы «мешали» только в том смысле, что толпы сдавались в плен, забывая все дороги...

После окончания второй мировой войны Брэдли снова пошел в гору. Многочисленные военные неудачи не испортили его дальнейшей карьеры, поскольку Брэдли попрежнему был известен своим крайним реакционными взглядами и продолжал находиться под покровительством Маршалла и Эйзенхауэра. Ныне в качестве председателя объединенной группы начальников штабов вооруженных сил США, а также председателя военного комитета Атлантического союза он делает все для того, чтобы разжечь «холодную войну» и усилить напряжение политической атмосферы. Он с воодушевлением добивается перехода к войне «горячей», то-есть открытой агрессивной войне против Советского Союза и стран народной демократии.

С этой целью он всячески ратует за усиление гонки вооружений и выступает в качестве пророка «атомоводородного оружия».

Без всяких стеснений отстаивая не необходимость «сверхвещной агрессии», то-есть захвата новых и укрепления уже существующих военных баз! «Мы должны быть готовы захватить базы, в которых мы можем нуждаться, и защищать эти базы», — прокламирует Брэдли. Ратая за всемерное увеличение сухопутной армии, он в то же время с полной откровенностью людоеда указывает на «заманчивые перспективы» и для авиации: «Соединенные Штаты должны полностью развернуть силы своей стратегической авиации для нанесения удара по жизненно важным центрам противника». И как бы опасаясь обвинений в излишней гуманности (как будто кому-либо может прийти такая шальная мысль в голову!), Брэдли дает прямой наказ:

«Я не призываю к бессмысленному уничтожению городов и населения. Но если вы будете бомбить заводы, вы будете также бомбить население».

Действуя с «солдатской прямоотой» прусского пошиба (недаром Брэдли притер и Гудериана, и Гальдера) и с истинно американской грубостью стоического японки-бизнесмена, он упорно нажимает на формирующие пассалы Уолл-стрит и крупиные сухопутные армии, исходя из беспримельного в своем цинизме формулы: «Соединенным Штатам будет поручена стратегическая бомбардировка... Идти на вынужденную наземную мощь будут европейские войска».

Мы уже упоминали вначале, что генерал Брэдли считает «Айвенго» Валтер-Скотта своей настольной книгой. Видно, особенно его вдохновляет в этом произведении эпиграф:

«Так гнали вечером, толкая меж собой, они свиней окормленных домою, и те, вжила, окорные кнутам, бежали нехотя к своим хлевам».

Читай — в который раз! — эти строки, генерал Брэдли мысленно видит себя с преданным кнутом в руках, а народы маршаллизованных стран — этиким стадом, хотя и далеко не окормленным, но все же покормым погонщику и безропотно бегущим в указанном направлении.

Не довольствуясь Западной Европой, Брэдли совместно с Джонсоном вылезал недавно для инспекции баз на Тихом океане и в Азии: Гавайи, Гуам, Окинава, Токио — таков был их маршрут. Секретное совещание с Макартуром и Даллесом — таков «кульминационный пункт» этой поездки матерых поджигателей войны.

Это совещание, как теперь совершенно очевидно, имело целью непосредственную подготовку к нападению на Корейскую народно-демократическую республику.

Американские войска в Корее, прикрываясь флагом ООН, хотели осуществить захватнические планы монополистов Уолл-стрит, услужливо разработанные Омаром Брэдли.

Этот незадачливый стратег уже достаточно убедительно продемонстрировал свои сомнительные военные таланты на Западе. События на Востоке свидетельствуют о тщетности его усилий с помощью американской военной машины покорить корейский народ. В боях с этим героическим народом войска искусство американского империализма терпит полное банкротство. А вместе с ним и репутация Брэдли — «первого стратега» в лагере поджигателей войны!

Со всего мира свозят к себе американские империалисты всевозможную нечисть: французских кагуляров, бельгийских рекисстов, германских, итальянских, греческих и иных фашистов. В специальных школах подготовки международных убийц они осваивают американскую военную технику и современные методы шпионажа. Этих подонков общества Трумэн и К° используют для террористических и подрывных действий против демократических стран Европы, Азии и всего света, для расправ с населением, для порабощения народов.

Кровожадные янки, однако, давно поняли, что подобных «кадров» явно недостаточно для осуществления лелеемой ими мечты о завоевании мира. В поисках пушечного мяса для будущей войны империалисты США продиктовали государству, входящим в Северо-атлантический союз, план создания «единых вооруженных сил», означавший превращение европейских армий в некие придатки «якобы интернациональной», а в действительности американской военной машины.

Маршаллизованные страны наводнены американской военной машиной, мушкетерской армии своих сателлитов на месте. Но этого мало. Теперь офицеры и солдаты европейских армий отправляются для обучения в Соединенные Штаты. В мае в Америку прибыло 150 человек из состава французской армии, военно-морского флота и военно-воздушных сил, в июне — 200 итальянских офицеров. По заявлениям ми-

стра обороны Норвегии Хауге, группа норвежских офицеров также будет послана для «тренировок» в США. Едут бельгийские, голландские, греческие офицеры...

Американский журнал «Ньюс уик» показал недавно в миниатюре, какой главный принцип будет положен в основу «европейской военной системы». На снимке, взятом нами из этого журнала, изображены за пулеметами француз, норвежец, итальянец, бельгиец и грек. За ними в дрижерской позе — американский инструктор. Снимок, повидимому, имеет цель примирить европейцев с мыслью о том, что стрелять придется им — французам, норвежцам, итальянцам, бельгийцам, грекам, а американцы будут только прятаться за их спиной и командовать.

Но одно дело — картинка, а другое дело — жизнь. Собрать перед фотокамерой пять разноплеменных офицеров легче, чем заставить воевать по команде Уолл-стрит европейские народы. Мистер Трумэн уже имел возможность убедиться в этом: несмотря на все его старания, государства не изъявляют желания послать войска в Корею для помощи американским агрессорам.

На первомайской демонстрации этого года французские призывники — будущие солдаты — уже заявили: «Мы не будем солдатами Трумэна! Мы солдаты мира! Кровь молодых француз не продается!» Другие европейские народы говорят то же самое.

С. МАРШАК „ЛИ“

ЭПИГРАММА

Недаром служит Трюве Ли
Прикрытым агрессивным планам.
Мы нечто общее нашли
Меж господином Трюве Ли
И господином Ли Сын Маном.

Мы это общее нашли
Не только в странном совпаденье
Частицы однослонной «Ли»,
Но и в манере поведенья.

V международный кинофестиваль

Присуждение премий

Жюри V международного кинофестиваля, происходившего в Карловых Варах, объявило о результатах конкурса. Первая премия — хрустальный глобус — присуждена произведению советского киноискусства — фильму «Падение Берлина».

«Премия мира» получила советский цветной фильм «Заговор обреченных», «Премия труда» — советский цветной фильм «Кубанские казаки». Картина молодой китайской кинематографии «Дочери Китая», рассказывающая о героической борьбе китайского народа, удостоена «Премии борьбы за свободу».

«Премия борьбы за социальный прогресс» присуждена чехословацкому фильму «Закаленные».

Кроме пяти главных премий, жюри фестиваля присудило много других. Премия за лучшую режиссерскую работу присуждена В. Пузовкину по фильму «Жуковский»; премия за лучшую музыку — композитору П. Дунаевскому по кинофильму «Кубанские казаки».

Советский цветной фильм «Смелые люди» был премирован за лучшие краски. Лучшим полнометражным документальным фильмом признан фильм «Юность мира», сделанный совместно работниками советской и венгерской кинематографии.

Премия за лучший короткометражный фильм присуждена французскому документальному фильму «Человек, которого мы больше всех любим», рассказывающему о беспредельной любви французского народа к вождю трудящихся всего мира И. В. Сталину.

Корейский документальный полнометражный фильм «Песня дружбы» получил премию за лучший кинопортрет; цветной советский фильм «Лесная быль» премирован как лучший научно-популярный фильм.

Жюри фестиваля присудило также целый ряд почетных дипломов кинокартинкам и работникам кинематографии Германской демократической республики, Болгарии, Румынии, Чехословакии, Китая, Польши, Венгрии, Бельгии и других стран.

V международный кинофестиваль закончил свою работу.

Обзор военных действий в Корее

— Не отступать больше ни на один дюйм! — приказал 29 июля командующий американскими сухопутными войсками в Корее генерал Уокер.

В часы, когда подписывался этот приказ, американские 1-я кавалерийская (мотомеханизированная) и 25-я пехотная дивизии, занимающие линию обороны в районе Кымчон, отходили под ударами частей Народной армии по направлению к Тагу, вдоль железнодорожной линии Тэчжон-Пусан. Корейские войска, сообщила токйский корреспондент агентства Ассошиэтед Пресс, — нанесли «неожиданный удар» и, предприняв обходной маневр, «поставили американские позиции под угрозу нового удара с тыла».

Линия американской обороны в этом районе была, как передает корреспондент агентства Юнайтед Пресс, прорвана в двух местах — на стыке флангов 1-й кавалерийской и 25-й пехотной дивизий.

Штаб Макартура также вынужден был признать, что Народной армии удалось при поддержке партизанских отрядов вклиниться в американские позиции в районе севернее Тагу, обойдя Кымчон с юга. Наступающие части Народной армии, преодолев горный массив, оказывают новое давление на войска интервентов.

Бои на всех участках фронта в Корее отличаются большим ожесточением. Некоторые пункты по несколько раз переходят из рук в руки. Тем не менее Народная армия, домая оборону противника, все более сжимает кольцо вокруг Пусана. 28 июля ею после упорных боев занят город Хвангынни, находящийся на путях к Кымчону, а 29 июля Бочхан — важный узел железных и шоссежных дорог, в 60 км юго-западнее Тагу и в 50 км южнее Кымчона. Здесь Народная армия создала непосредственную угрозу выхода в тыл американским войскам, оперирующим в районе Кымчона. Дорога Кымчон-Тагу оседлана частями Народной армии. По сообщению корреспондента английской газеты «Дейли телеграф энд Морнинг пост» Баки, американским войскам и остаткам диссидентских частей грозит опасность попасть в «мешок» в районе Тагу.

Вступив в Южный Кенсан, Народная армия начала очищение последней провинции, занятой интервентами.

Сильные бои развернулись также в районе города Чиньчжу, отстоящего от Пусана примерно на восемьдесят километров. Здесь ведет бой переморформированная и пополненная новыми подкреплениями американская 24-я пехотная дивизия. Командовать этой дивизией вместо пропавшего без вести генерал-майора Лиона поручено генерал-майору Чэчу. Он заявил 30 июля, что не откладывает оборонительной миссии под Чиньчжу. Однако последние сообщения с этого участка фронта свидетельствуют о том, что части Народной армии успешно атакуют американские позиции, домая «дугу Чэчу». Как передает корреспондент агентства Рейтер, 31 июля «северо-корейские войска заняли город Чиньчжу — ворота, ведущие в Пусан».

Пытаясь не допустить дальнейшего продвижения Народной армии на Пусан, американское командование спешно перебрасывает в Корею новые подкрепления. По данным американской печати, в Корею тайно перебрасываются из США части 1-й дивизии морской пехоты и 2-й пехотной дивизии. Помимо этого, штаб Макартура использует на корейском фронте бывших японских офицеров и солдат. Как передает токйский корреспондент агентства Телепресс, для отправки в Корею Макартур со-

дает в Японии так называемую «добровольческую армию», ядро которой должны составить офицеры и солдаты бывшей Квантунской армии. Офицеры бывшего японского генерального штаба используются в качестве «военно-политических специалистов» при американских войсках.

Несмотря на грозные приказы Уокера, а также новые военные мероприятия штаба Макартура и правительства США, положение интервентов оценивается английскими военными обозревателями, как «чрезвычайно серьезное». Английские газеты отмечают, что война в Корее вступила в «критический этап». Военный обозреватель английской газеты «Дейли телеграф энд Морнинг пост» лаконично замечает: «Положение безнадежно!».

Штаб Макартура в спешном порядке принимает меры, чтобы скрыть от американского народа истинное положение американских войск в Корее. Преставитель штаба полковник Эколс вызвал американских корреспондентов к себе и выразил им резкое порицание за «нежелательные» сообщения с фронта. Он потребовал от них «проявлять осторожность» в своих оценках положения в Корее, чтобы «не причинить ущерба престижу Соединенных Штатов и моральному состоянию американских солдат».

Как передает токйский корреспондент агентства Ассошиэтед Пресс, Эколс заявил: сообщения из Кореи о том, что «американские солдаты бегут по дорогам с рывлянием и плачем, создают за границей ужасное впечатление».

С 25 июля 1950 года «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» выходит вместо двух раз три раза в неделю — по вторникам, четвергам и субботам.

Подписная плата устанавливается на 4 месяца 26 руб. 5 месяцев 20 руб. 80 коп. 1 месяц 5 руб. 20 коп.

В связи с этим по ранее оформленной подписке «Литературная газета» будет высылаться: подписавшимся до конца года — до 5 ноября и подписавшимся до 1 октября — до 6 сентября.

Дополнительная подписная плата принимается местными отделениями «Союзпечати», отделениями и агентствами связи. Подписка на «Литературную газету» принимается в городских и районных отделах «Союзпечати», в отделениях и агентствах связи.

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. НОВИКОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора), П. ФЕДОСЕЕВ.